

THE FEATURES OF A MODERN LANGUAGE SITUATION IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Abstract: The article is devoted to the modern linguistic situation in the context of diachronic linguistics. The author analyzes the ideas about the crisis of language and the crisis of literary language. The current language situation is compared

Author information:

Maria Zakharova

Assoc. Prof. q PhD

Moscow City University

✉ mary-zaharova@yandex.ru

🌐 Russia

Keywords:

language situation of the era, history of the Russian

language, literary language

Оценка современной языковой ситуации в русском языковом пространстве колеблется в пределах весьма противоречивых мнений:

- *Нынешнее состояние языка вызывает обеспокоенность. Язык болен.*

Сейчас остро возникла угроза не только сохранению лучших традиций в языковой культуре, но и чистоте русского языка. А мы слишком расточительны, владея таким богатством! Любезно позволяем словам из других языков бесцеремонно врываться в наш лексикон. <...> Самая значительная проблема в том, что большая часть говорящих на русском языке утратила ощущение нормы. В первую очередь это касается молодежи: бесчинствует сквернословие, без всякой меры используются агрессивные, засоряющие и обедняющие нашу речь жаргонизмы[8].

- *... случилась как раз гигантская перестройка <...> языка под влиянием сложнейших социальных, технологических и даже природных изменений. И выживает тот, кто успевает приспособиться. Русский язык успел, хотя для этого ему пришлось сильно измениться. Как и всем нам. К сожалению, он уже никогда не будет таким, как прежде [2, с. 16].*

- *... никакого кризиса в языке сейчас нет. Наоборот, русский язык сейчас переживает период интенсивного развития. Интенсивные изменения в языке всегда тесно связаны с изменениями социальными. Чем значительнее последние, тем более интенсивно происходят изменения в языке. И о кризисе языка здесь нет речи – язык отражает окружающую действительность, окружающие процессы в обществе [7, с. 10].*

Первое из приведенных суждений принадлежит учителю русского языка высшей категории из Белгородской области, второе и третье – крупнейшим лингвистам современности, которые, отмечая все те же явления и тенденции, оценивают их иначе, маркируя не как порчу, разрушение, а как эволюцию, изменение языка. Тот же Максим Кронгауз иронически маркирует это противопоставление антирезкой позицией «просвещенного обывателя» - позиция «просвещенного лингвиста» [2, с. 7–9], в то же время акцентируя внимание на том, что профессиональная позиция базируется на оценке наблюдаемых явлений в контексте общей эволюции языка: «Русский язык «переварит» все это, что-то сохранив, что-то отбросив, выработает, наконец, новые нормы, и на место хаоса придет стабильность. Кроме того, даже в

хаосе можно найти положительные стороны, поскольку в нем ярко реализуются творческие возможности языка, не сдерживаемые строгими нормами» [2, с. 7]. Тогда как противоположная позиция оценивает происходящее с точки зрения настоящего момента, в сравнении с предыдущим состоянием, а не со всей историей языка в целом. Называть такой взгляд на проблему дилетантским, очевидно, не вполне верно, так как подобная оценка языковой ситуации характерна не только для рядовых носителей языка, но и для так называемых практических филологов: учителей, журналистов, библиотекарей, специалистов издательской сферы и т.д. Однозначно не являясь дилетантами в языковой сфере, они тем не менее оценивают языковые явления вне диахронной парадигмы и, предлагая грамотный системный анализ современных языковых процессов, соотносят их не с аналогичными состояниями предшествующих эпох, а с характеристиками языка предыдущего периода.

Между прочим, такой взгляд на проблему был характерен и для собственно лингвистических исследований первой половины 90-х гг. XX века, когда внимание виднейших лингвистов концентрировалось на проблеме «демократизации» языка: «...в нашей стране в эпоху гласности публично заговорили многие люди, не имеющие опыта ораторского искусства. И, конечно, в их речи много шероховатостей и даже ошибок – нарушений норм литературного языка. Однако это не гибель русского языка, а недостаток языкового воспитания. И тревога за состояние русского языка объясняется не тем, что в эпоху посттоталитаризма люди стали говорить «хуже», чем раньше, а тем, что раздвинулись рамки публичной речи и мы услышали, как реально говорит «обычный» человек, не имеющий навыков публичной речи. Многие из прежних ораторов стали делать ошибки, потому что из «человека читающего» они превратились в «человека говорящего»» [4, с. 15–16]. Однако этап наблюдения и описания синхронных наблюдателю языковых процессов затем сменился этапом системного анализа наблюдаемых явлений, что привело к встраиванию современных процессов в общую парадигму сначала мировых языковых процессов, а затем в целостную историю русского языка: «...точнее для характеристики этих весьма бурно разворачивающихся процессов подходит термин либерализация, ибо они затрагивают не только народные пласты общенационального русского языка, но и образованные, оказавшиеся чуждыми литературному канону последних десятилетий. В целом литературно-языковая норма становится менее определенной и обязательной; литературный стандарт становится менее стандартным.

В известной мере повторяется ситуация 20-х годов, когда послереволюционный розовый оптимизм порождает желание глубоко преобразовать не только общественный строй и экономическое устройство, но и культуру, но и литературный языковой канон» [1, с. 6].

Наиболее важным для нас в приведенном замечании В. Г. Костомарова является, безусловно, параллель между современным состоянием языка и языковой ситуацией первой трети XX века, поскольку наблюдаемые явления не просто обнаруживают заметное сходство в своих формальных проявлениях, но и системно представляют собой, бесспорно, реализацию одних и тех же языковых процессов.

В частности, проводя параллели между языковой ситуацией 20-ых и 90-ых годов XX века И. А. Стернин выделяет такие характерные явления, как политизация языка, выраженное оценочное отношение к словам, превращение многих слов в символы принадлежности человека к определенной общественно-политической группе, расшатывание языковых норм в массовом употреблении и речи заметных общественных деятелей, рост взаимного недопонимания между различными социальными группами [6, с. 84–85]. Эти и другие сходные черты фактически являются проявлением характерных для русского языка процессов, восходящих к языковому сознанию его носителей и, далее, к их общественно-политической жизни и психологии, в целом. Актуализируя известную метафору «Язык – зеркало жизни народа», И. А. Стернин пишет: «Если больной или переживающий душевный кризис человек смотрит в зеркало, то в зеркале, естественно, отражаются проявляющиеся у него внешне признаки болезни или душевного кризиса» [5, с. 3–4]. Развивая метафору, хотелось бы добавить, что это зеркало отражает всегда одного и того же человека, все

состояния, болезни, жизненные ситуации которого всегда системно связаны друг с другом, если не причинно-следственными связями, то, как минимум, единством психических, физических и социальных реакций индивида на возникновение и протекание этих состояний, болезней и ситуаций.

В той же работе И. А. Стернин приводит такие параллели: «Развитие отражает приспособление языка к изменяющимся (под влиянием внешних факторов) условиям его функционирования. <...> Слабое развитие – в период стабильного социально-экономического развития общества. В XX веке - это 50-70-е гг.

Интенсивное развитие – в период крупных социально-политических и экономических перемен, интенсивного культурного развития, общественного подъема. Ср. эпохи Петра I, Ломоносова, Пушкина.

Бурное развитие – в эпоху смены общественно-экономических формаций (20-30-е гг. XX века, 80-90-е гг.)» [5, с. 3–4].

Подобное сопоставление языковых явлений с общей ситуацией в стране и обществе в сочетании с выявлением сходных проявлений в другие исторические периоды позволяет, абстрагировавшись от частных особенностей, увидеть общие закономерности развития и эволюции языка. Вообще, хотелось бы заметить, что выявление, рассмотрение и анализ подобных параллелей, на наш взгляд, и есть основная задача современного диахронного языкознания, так как только в этом ракурсе проблемы и явления конкретных периодов предстают проявлениями значимых черт языка в его истории.

Конечно, в истории языка национального и в истории языка литературного, т.е. нормированной кодифицированной общепризнанной версии национального языка (или иного языка, выполняющего эту функцию), это проявляется по-разному, и для полноты и достоверности картины необходимо четко понимать это различие. *С одной стороны*, именно язык общенациональный напрямую связан с жизнью социума и чутко реагирует на изменение потребностей своих носителей. Наиболее заметно это проявляется на самом мобильном языковом уровне – в лексике: появление новых явлений в любой сфере жизни социума приводит к быстрой реакции языка: появляются, усваиваются извне или создаются, новые слова, устаревают, начинают отторгаться носителями, старые. Это явление характерно для языка в любой период его жизни, например: стремительное вхождение в русский язык слова *селфи*, спровоцированное возникновением описываемого им культурного явления, которое постепенно вытесняет на периферию возвратное значение русского глагола *фотографироваться* (Ср. *делать селфи с Пушкиным* вместо *фотографироваться с Пушкиным / на фоне памятника Пушкину*). В периоды же бурных изменений в общественной, политической, социальной жизни лексические процессы принимают столь же бурный характер. Изменение лексического фонда идет разными путями в зависимости от того, что происходит в жизни носителей языка, так:

- татаро-монгольское иго привело к усилению контактов с татарами в разных сферах жизни и, как следствие, к заимствованию множества тюркизмов;
- петровские реформы, связанные с европеизацией России и снижением роли церкви, – к массивному заимствованию западноевропейской лексики и архаизации многих церковнославянизмов;
- революция, с одной стороны, происходившая в русле актуальных европейских политических и социальных процессов, в том числе и противопоставления науки и религии, а с другой, приведшая к изменению социального устройства России и повышению социальной значимости широких слоев населения, – вновь к европейским заимствованиям и архаизации маркированных славянизмов и лексики предшествующей социально-политической формации, но уже в сочетании с активным проникновением в общенациональный вариант языка диалектизмов и просторечий и активным окказиональным словотворчеством в рамках «новояза».

На фоне этих наблюдений оценка современной языковой ситуации в лексическом плане, естественно, должна вестись не в парадигме «сохранение – порча языка», а в русле осмысления причин актуализирующих / архаизирующих тот или иной лексический пласт. Произошла смена общественно-политической формации с изменением типа государственного устройства, структуры и территории государства, типа общественной жизни. Произошедшие процессы маркированы как «демократизация по западному образцу». Абсолютно логичным представляется в данном случае отказ большей части носителей языка от слов и конструкций, ассоциирующихся с предшествующей формацией, и волна заимствований из западных языков, преимущественно, из английского. Изменения социальной структуры общества, разочарование социума в предыдущих элитах, активизация средне- и малообразованных слоев общества привели к актуализации сниженных лексических пластов, в том числе, и табуированных (арготическая лексика, нецензурная лексика).

С другой стороны, все вышеописанные процессы, происходящие в общенациональном языке, становятся массовыми лишь в том случае, если ослабевает контроль со стороны нормы, т.е. если статус нормативного литературного языка, тормозящего актуальные процессы в языке общенациональном для сохранения самоидентичности социума его носителей, падает в такой степени, что уже не может служить барьером для назревших изменений. Если говорить о кризисе национального языка с научной точки зрения вполне бессмысленно (по остроумному замечанию И. А. Стернина «само зеркало никакого кризиса не переживает» [5, с. 3–4]), то кризис языка литературного – вещь не только осмысленная, но и вполне традиционная. Литературный язык как нормированный, кодифицированный, имеющий высокую социальную значимость вариант национального языка практически не подвержен естественной эволюции, так как изменения в нем должны быть закреплены сознательной деятельностью уполномоченных людей, т.е. внесены в соответствующие кодификаторы, словари, учебники, учебные и экзаменационные программы. С одной стороны, это, как уже было отмечено, обеспечивает устойчивость национального сознания, связь поколений и т.д., но, с другой стороны, расхождения между нормой и языковой картиной мира носителя языка не должны быть принципиальными / значимыми для носителей. В стабильной языковой ситуации так и происходит. Движения национального языка компенсируются их хаотичностью, изменения, прошедшие испытание временем, постепенно вносятся в норму, статус нормы носителями языка сомнению не подвергается.

В периоды общественно-политической нестабильности движение национального языка подчиняется ключевым тенденциям эпохи и, следовательно, обретает вектор; изменения становятся многочисленными – расхождение между нормой и языковой картиной мира начинают ощущаться носителями языка. Статус нормы падает. Особенно очевидным кризис литературного языка становится в те исторические моменты, когда в то же время падает статус государства и/или культурной элиты, которые и являются гарантами языковой нормы в стабильном социуме. Стремление носителей языка привести норму в соответствие с собственной языковой картиной мира приводит на начальном этапе к отрицанию существующей традиции значимым числом носителей языка, росту числа ошибок и ненормативных употреблений, падению значимости образованных людей и языковой правильности в целом. Носители языка начинают активные эксперименты с языковым материалом и нормой (языковая игра), мерилом правильности становится личный языковой вкус при наличии языкового чутья или, что встречается чаще, распространенные в социуме тенденции (языковая мода).

В то же время сохраняется недовольство определенной части общества нарушениями норм литературного языка (и, в первую очередь, это именно практические филологи, о которых мы упоминали ранее (учителя, журналисты и т.д.) и иные представители образованной части социума, для которых языковая норма и высокие стандарты речи входят в систему личностных ценностей). Когда национальное сознание стабилизируется на новом этапе, возникает внутренний запрос носителей языка на восстановление стабильности и литературного языка, и

с опорой на «архаистов», «славянофилов», «ретроградов», «традиционалистов», «непродвинутых», т.е. защитников нормы, происходит стабилизация литературного языка и языкового сознания на новом этапе развития.

Любопытно отметить, что изначальные «новаторы», требовавшие пересмотра нормы, в этот момент превращаются в защитников прошлого, т.к. стремятся сохранить традиции эпохи кризиса, тогда как их противники, защищавшие традиции докризисной эпохи, фактически становятся «новаторами», формируя на базе исходной нормы и устойчивых новых тенденций норму нового времени. Например, «архаист» А. С. Шишков, вставший на защиту норм литературного языка XVIII века, в том числе включавших и строгую стилистическую дифференциацию языка по жанрам, фактически отстаивал внежанровое представление о стиле и его прямую зависимость не от формальных показателей, а от семантики и прагматических задач конкретного текста, что, очевидно, уже было характерно для устной речи. Тогда как его оппоненты, отстаивая формулу «писать, как говорят», требовали именно формального подхода к отбору языковых средств, вне зависимости от конкретных задач конкретного текста, что соответствовало французским салонным образцам, но существенно отличалось от запросов современного им русского социума, ценившего возможность быстрой смены стилистической окраски сообщаемого путем изменения набора языковых средств. В результате А. С. Пушкин, вполне заслужено считающийся, пожалуй, главным нормализатором русского литературного языка этого периода, фактически высказывает мысли, опровергающие положения «новаторов» и совпадающие, по ключевым положениям, с идеями «архаиста» А. С. Шишкова: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному... Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным – значит не знать языка» [3].

Ситуацию противостояния защитников нормы и сторонников нового отмечает и В. Г. Костомаров, но уже применительно к событиям начала XX века: «...социальная ситуация хорошо согласуется с идеями А. А. Шахматова о расширении границ литературного языка, и именно так мыслили и действовали представители, как выражался С. И. Ожегов, *новой советской интеллигенции*. Методисты, в частности, утверждали, что <...> требуется «расширять изучение стандартного языка... изучать диалекты, которыми наш стандартный язык окружен, от которых он питается <...> «Старая интеллигенция», по большей части в эмиграции, стояла за неприкосновенность литературного языка, возмущаясь наводнением его диалектизмами, жаргонизмами, иностранщиной, даже изменением правил правописания, особенно изгнанием буквы *ять*. Этот диаметрально противоположный подход победил и внутри страны, наметившись в 30-е и безусловно восторжествовав в 40-е годы <...> дискуссия 1934 года наметила путь к массовому окультуриванию речи, требуя писать *по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски*. Сознательная *пролетарская языковая политика* проходила под лозунгом преодоления разноязычия, прежде всего крестьянского» [1, с. 6–7] Любопытно отметить, что и в этой борьбе результаты соответствовали не позициям спорящих, а новым требованиям национального языкового сознания, в результате чего новый литературный язык, с одной стороны, был существенно приближен к народной речи, избавлен от многих элитарных черт языка предшествующей эпохи, но, с другой стороны, базировался на традициях русской классической литературы и практически полностью вытеснил диалектные различия на периферию национального языкового сознания.

Конечно, объективно оценить современную языковую ситуацию в приведенной модели пока еще сложно, так как процесс нормализации еще очень далек от завершения. На данный момент очевидно лишь, что запрос на возвращение нормы в языковом сознании носителей языка уже сформирован: языковые эксперименты вновь сместились в сферу элитарной языковой деятельности, активность рядового носителя в языковой сфере существенно

снизилась, растёт нетерпимость к ошибкам в публичных текстах, поднимается статус носителей литературного языка, заметно уменьшение количества заимствований и изменение отношения к ним у рядовых носителей языка. Все это, в контексте истории русского литературного языка, позволяет надеяться на переход языковой ситуации в стабильную фазу. Конечно, если общенациональная история позволит...

References:

1. Kostomarov V. G (1999) *Yazykovoј vkus ehpoi. Iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj mass-media*. SPb.: Zlatoust,.
2. Krongauz M. (2009) *Russkij yazyk na grani nervnogo sryva*. M., 2009.
3. Pushkin A. S. *Pis'mo k izdatelyu*. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-100.htm>
4. *Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995)* (2000) M., S. 15–16.
5. Sternin I. A. (1998) *Krizis ili razvitie?* // *Russkij yazyk konca XX veka*. Voronezh, S. 3–4.
6. Sternin I. A. (1996) *Obshchestvenno-politicheskie processy v Rossii i izmeneniya v russkom yazyke i obshchenii* // *Sovremennaya yazykovaya situaciya i sovershenstvovanie podgotovki uchitelej – slovesnikov*. Ch.2. Voronezh, S. 84–85.
7. Sternin I. A. (2004) *Rusistika. Sb. nauchnyh trudov*. Vyp.4. Kiev.
8. Surailova V. G. (2010) *Problemy rechevoj kultury v sovremennom obshchestve*. URL: <http://pandia.ru/text/79/028/95049.php>